

УДК 811.161.1'42:398.91(=161.1)

Худой мир лучше доброй ссоры: жизнь пословицы в текстах Национального корпуса русского языка

О.А. СИМОНЧУК

В статье излагаются результаты исследования особенностей функционирования пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в художественных и публицистических текстах. Определяется семантическая специфика пословицы. Выявляются и описываются структурно-семантические трансформации пословицы при ее употреблении в речи.

Ключевые слова: пословица, паремия, предпочтение, окказиональное употребление, трансформация, ключевой компонент.

This paper deals with the peculiarities of the usage of the proverb *Better a lean peace than a fat victory* in literary and non-fictional texts. The focus is on the following aspects: identification of semantic characteristics of the proverb, examination and description of structural and semantic transformations of the proverb in speech.

Keywords: proverb, preference, occasional use, transformation, key element.

Многие лингвисты, изучая функционирование паремий в различных речевых сферах, отмечают активный интерес современных авторов к этому жанру фольклора. Паремии используются как эффективное и вместе с тем эстетическое и психологическое средство воздействия на читателя. Исследователь прагматических функций паремий Г.Д. Сидоркова называет их «козырными картами» коммуникативного воздействия и отмечает, что человек, искусно владеющий ими, как бы контролирует ключевые позиции в структуре вербального общения, чему особо способствует авторитетность и ореол «народной мудрости» паремий [1]. Многочисленные исследования употребления паремий в художественных и публицистических текстах демонстрируют также открытость данных языковых единиц к различным структурным и семантическим изменениям. По сравнению со словарными вариантами такие перевоплощения паремий в большей степени привлекают внимание адресатов прежде всего благодаря эффекту неожиданности. Он может быть разным по силе воздействия в зависимости от степени и характера отклонения окказионального варианта пословицы от словарного.

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей функционирования пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в художественных и публицистических текстах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2]. Теоретической основой исследования при определении семантической специфики пословицы стали труды Н.Д. Арутюновой [3], Е.И. Селиверстовой [4], при описании особенностей функционирования паремии в речи – результаты исследований Т.А. Наймушиной [5], А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [6], [7], И.Ю. Третьяковой [8], М. Добровой [9], Е.В. Ничипорчик [10] и др.

Как свидетельствуют данные словарей, например, словаря немецких пословиц *Deutsches Sprichwörter-Lexicon* К.Ф.В. Вандера [11], Большого толково-фразеологического словаря Михельсона [12], Русско-славянского словаря пословиц: с английскими соответствиями М.Ю. Котовой [13, с. 88], многоязычного словаря пословиц и поговорок *Refranero multilingüe* [14], исследуемая паремия выражает своеобразный этический постулат не только русского народа. Ее аналоги есть и во многих других европейских языках, а также в восточной культуре и, судя по всему, они имеют один генетический корень.

В многоязычном словаре пословиц и поговорок *Refranero multilingüe* указывается частотность употребления аналогичных паремий в некоторых языках, и в большинстве случаев она низкая. Что касается русского языка, то количество вхождений исследуемой пословицы в тексты НКРЯ в основном подкорпусе составляет 93 единицы, в газетном подкорпусе – 104. Это относительно высокий показатель частотности. Примечательно, что ее использование в

преобразованном виде преобладает над случаями употребления в каноническом варианте (в основном подкорпусе пословица в преобразованном виде встречается в 67 контекстах (72 %) из 93, в газетном – в 84 (81 %) из 104).

Главная идея пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* состоит в том, что любой мир, каким бы шатким и ненадежным он не казался, все же лучше ссоры. Следует отметить, что данная идея находит свое воплощение и во многих других русских поговорках. Так, в Большом словаре русских пословиц под редакцией В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной насчитывается 10 паремнологических единиц, которые выражают предпочтительность мира войне: *И соломенный мир лучше железной брани, Лучше лычный мир, чем ременный суд, Малой мир лучше большой драки, Малый мир лучше большой драки, Плохой мир лучше хорошей войны, Соломенный мир лучше железной войны, Соломенный мир лучше железной драки, Худой мир лучше доброй брани, Худой мир лучше доброй войны, Худой мир лучше доброй ссоры* [15, с. 540–541]. Данные пословицы имеют одинаковую логико-синтаксическую структуру. Их особенностью является наличие девальвирующего признака при компоненте, обозначающем благо, и компенсирующего признака при компоненте, обозначающем противоположную этическую категорию. Это, как отмечает Н.Д. Арутюнова, помогает подчеркнуть неизбежность ценностных отношений между основными категориями, то есть бесполезность «подрывных» усилий [3, с. 261].

В вышеуказанных пословицах наблюдается лексическое варьирование при наименовании худа, а также при наименовании признаков противоположной этической категории. Однако существенных семантических и стилистических различий между этими лексическими вариантами не наблюдается, и смысл пословиц, а также их стилистическая окраска не претерпевают сколь-либо значительных изменений. Возможно, поэтому многие из данных пословиц при их окказиональном употреблении так легко контаминируются, и в результате контаминации авторами создаются своего рода «гибридные» формы пословичных выражений, в которых в качестве первой части используется ключевой компонент и атрибутивный признак одной пословицы, а в качестве второй части – ключевой компонент и атрибутивный признак другой: *А плохой мир все равно лучше доброй ссоры* (М. Полетика. Однажды была осень (2012)); *Худой мир лучше хорошей войны* (С. Артемов. 5 типичных ошибок при разделе имущества между супругами // Московский комсомолец, 2016) [2]. И все же, несмотря на такое разнообразие ключевых компонентов и их потенциальную способность к объединению друг с другом, наибольшую частотность в текстах НКРЯ проявляет антонимическая пара *худой мир – добрая ссора*, которая является семантическим ядром одной и той же паремнологической единицы (в основном подкорпусе она встречается в 53 контекстах из 93, в газетном – в 41 из 104).

Анализ текстов НКРЯ показывает, что пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* в своем каноническом варианте в качестве самостоятельного предложения употребляются редко: в основном подкорпусе в 5 контекстах, в газетном – тоже зафиксировано только 5 употреблений. Часто в такие предложения дополнительно включаются вводные слова и сочетания слов, междометья, союзы, частицы – элементы, которые синтаксически не связаны с компонентами поговорки, но служат для связи данного высказывания с контекстом. Они помогают передать отношение продуцента речи к ситуации, характеризуемой поговоркой, а также к лежащей в основе пословицы идее: *Худой мир, как говорится, лучше доброй ссоры* (А. Митьков агентство спортивной информации «Весь спорт – для «Труда». НЕ НАДО ИКРУ – ВЕДРАМИ // Труд-7, 2006); *Лучше-же без скандала. К тому-же, это неизбежно. Подумай... Ведь худой мир лучше доброй ссоры* (Н. А. Лейкин. Купец пришел! (1903)) [2].

Чаще пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* является частью сложных предложений. Так, в составе сложносочиненных предложений поговорка встречается в основном подкорпусе в 6 контекстах, в газетном – в 1; в составе сложноподчиненных предложений в основном подкорпусе – в 11 контекстах, в газетном – в 10; в составе бессоюзных предложений в основном подкорпусе в 8 контекстах, в газетном – в 7.

В сложносочиненном предложении поговорка может находиться с другими частями предложения в разных отношениях. Так, если сложносочиненное предложение начинается с поговорки, то она может вступать с последующей частью в отношения присоединения, и тогда

содержание второй части представляют собой дополнительное сообщение или замечание к первой (1), а также в отношении противопоставления (2). При нахождении паремии в постпозитивной части сложносочиненного предложения между ней и предыдущей частью устанавливаются причинно-следственные отношения или отношения противопоставления.

Примечательно, что в некоторых контекстах происходит дублирование одного из ключевых компонентов паремии для того, чтобы привлечь внимание к определенным деталям описываемой ситуации. Если ключевой компонент, который используется вне паремии, стоит в препозиции к ней, то внимание читателя фокусируется больше на самой паремии как обосновании избранной стратегии поведения (3). Паремия выполняет в этом случае резюмирующую функцию. При нахождении повторно употребляемого ключевого компонента в постпозиции к паремии внимание читателя направляется в большей степени на детали описываемой ситуации. При этом паремия выполняет текстообразующую функцию. Она становится своего рода отправной точкой для дальнейшего повествования или последующих рассуждений автора (1), (2): (1) *Прошел год, как они помирились с Адамовичем. Разрыв длился пятнадцать лет. **Худой мир лучше доброй ссоры**, а Георгий Иванов называл их нынешние отношения «худым миром». Когда-то смотрели на них как близнецов: два неразлучных Жоржика. Но Адамович еще тогда знал, что не найти более разных людей, чем он и Жорж Иванов. Примерение получилось внешним, оба понимали это* (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003); (2) *Мухаммад Аз-Завахири, родной брат лидера «Аль-Каиды» Айма-на Аз-Завахири, заявил о готовности посредничать между западными государствами или различными мусульманскими организациями, добиваясь договора, суть которого можно изложить в двух словах, «вы к нам более не несете свои либерализм и демократию, мы больше не трогаем ваши башни-близнецы, посольства и даже признаем законными ваши интересы в нашем регионе»... В общем, **худой мир всегда лучше доброй ссоры**, однако стоит разобратся, насколько этот **мир** возможен, и кто от него в выигрыше? Кого представляет Мухаммад Аз-Завахири? Особый привкус этой новости придает то, что предложение поступило аж от брата главы «Аль-Каиды». Хотя по большому счету это вовсе не означает, что предложение сделала сама «Аль-Каида»* (О. Джемаль. Худой мир // Известия, 2012); (3) *Учителя уж и не настаивали, я тоже; ничего не поделаешь с людьми, для которых закон не писан; только **ссора** выйдет, ... а **худой мир лучше доброй ссоры*** (архиеп. Н. Японский (Касаткин). Дневники святого Николая Японского: в 5 т. (1895)) [2].

При употреблении пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в сложноподчиненных предложениях проявляется в большей степени ее назидательный характер: *Чтобы уменьшить число недругов, всегда следует помнить, что **худой мир лучше доброй ссоры*** («Любовь – это свет, который нас ведет» // Комсомольская правда, 2006); *Давно известно, что **худой мир лучше доброй ссоры**. Еще никогда никому не удавалось услышать трезвые и взвешенные аргументы собеседника в пылу площадной перепалки. истина, не требующая доказательств* (В. Вереск. ЦЕНА АРЕНДЫ И АКЦИЙ ПРОТЕСТА // Труд-7, 2006) [2]. В качестве придаточного изъяснительного предложения и еще более придаточного причины пословица служит также обоснованием определенной стратегии поведения, описываемой в окружающем паремии контексте: *Не могу сказать, что мне нравилось быть у него на посылках, но я исходил из того, что **худой мир лучше доброй ссоры**, и по возможности соблюдал нейтралитет* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)); *Родители мялись, но вопросов не задавали, потому что **худой мир лучше доброй ссоры*** (Е. Завершнева. Высотка (2012)) [2].

При бессоюзном способе соединения предложений пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* чаще всего встречается в предложениях с изъяснительным значением: – *Мудрые говорят: **худой мир лучше доброй ссоры**, – вздохнул старейшина* (А.И. Красницкий. Князь Святослав (1894)) [2]. В бессоюзных предложениях паремия может находиться и в отношениях причинного обоснования с другой частью предложения и быть дополнительным доводом, аргументом для определенной стратегии поведения, выполняя также резюмирующую функцию. Контекст строится по следующей схеме: причина – стратегия поведения – аргумент: *Перемену позиции Саурина по отношению к Аяцкову можно объяснить тем, что обе сто-*

роны конфликта решили не накалять атмосферу. Губернатор не мог не учитывать, что за экс-мэром стоит немалая доля избирателей, а кое-кто в руководстве «Отечества», очевидно, питает связанные с Поволжьем политические амбиции. Поэтому Саурина и убедили по крайней мере временно воздержаться от комментариев – **худой мир лучше доброй ссоры** (С. Оганезова. Примирение. Бывший мэр простил губернатора // «Известия», 2001) [2]. В бессоюзных предложениях со значением следствия паремия выступает и в роли образной характеристики сложившейся ситуации, а другая часть предложения является носителем значения следствия: *Отношения между Россией и США становятся все более натянутыми. Но **плохой мир лучше доброй ссоры**: раз есть возможность и если имеется желание, самое время отправиться в посольство США за визой* (Ю. Верби. Кроме Крыма // lenta.ru, 2015) [2]. В связи с необходимостью ограничения объема статьи здесь описаны только некоторые виды отношений, которые могут устанавливаться между паремией и другой частью бессоюзных предложений.

Пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* может входить в состав другого предложения в качестве одного из его членов. Для исследуемой паремии наиболее характерна роль определения при существительных отвлеченного понятия: *(обывательская) поговорка, (русская) пословица, (мудрое) правило, (старое) присловье, принцип, речение, формула* (в основном подкорпусе в 5 контекстах, в газетном – в 4). При этом паремия раскрывает содержание определяемого понятия: *Принцип «худой мир лучше доброй ссоры» в отношениях между Россией и Великобританией больше не работает* (М. Ростовский. Чисто предвыборное убийство: как отравление Скрипаля изменит последний срок Путина // Московский комсомолец, 2018) [2].

Некоторую схожесть с вышеописанным способом употребления пословицы обнаруживает и презентация паремиологической единицы в высказывании через ее ключевые словосочетания в сопровождении разных метооператоров – сигналов присутствия паремии в тексте [16, с. 54]: *Как бы там ни было, покуда **пословица про худой мир и добрую ссору** остается гласом вопиющего в пустыне, хотя и у финнов есть точно такая же пословица, и китайцы говорят: «Мудрый здоровается первым», и вообще, кажется, все согласны, что с соседями лучше не воевать* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002) [2].

Следует отметить, что при окказиональном употреблении пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* зачастую совмещаются разные виды ее преобразования.

Одним из видов трансформации паремии является изменение его компонентного состава (расширение, сокращение и замена компонентов). С помощью изменения компонентного состава автор как бы «вплетает» в текст пословичное выражение.

Расширение компонентного состава паремии осуществляется за счет распространения отдельных компонентов паремии словами свободного употребления. Это помогает конкретизировать определенную ситуацию, характеризваемую паремией, в различных деталях, например, в отношении времени и места действия, передать степень выраженности признаков ключевых компонентов паремии, интенсифицировать степень оценки: – *Уже седьмой день между Израилем и Палестиной идет настоящая война, наглядно доказывающая, что худой мир в этом регионе куда лучше ссоры* (Израиль задался целью «добить» ХАМАС любой ценой // Новый регион 2, 2008)[2].

Изменение компонентного состава паремии может производиться путем замены узуального компонента окказиональным. В пословице *Худой мир лучше доброй ссоры* чаще всего заменяются определения, являющиеся обесценивающими и компенсирующими признаками ключевых компонентов паремии: *худой (мир) – любой, (несколько) искусственный, классовый, даже на самых униженных условиях* и др.; *добрая (ссора) – возможная, долгая, кабинетная, крепкая, основательная, откровенная, полновесная* и др. При таких заменах словарный вариант и окказиональный чаще всего не связаны синонимическими или антонимическими отношениями.

Что касается ключевых слов *мир* и *ссора*, то в подавляющем большинстве случаев происходит замена второго компонента. Он заменяется на слова, в значении которых можно выделить семы «противостояние» и «тяжелое время»: *битва, вражда, конфронтация, безвременье и стагнация, ссоры и споры*. Замена ключевого слова *мир* зафиксирована только в одном контек-

сте НКРЯ: – *Тому же радио задают вопрос: на какие виды делятся мужчины? Армянское радио отвечает: мужчины делятся на два вида – половые гиганты и гигантские половички! Смех. Лучшие худой смех, чем добрая ссора* (К. Серафимов. Записки спасателя (1988–1996)) [2].

Оценочный компаратив *лучше* лишь в единичных случаях заменяется на такие компаративы как *предпочтительнее*, (*гораздо*) *выгоднее*, *продуктивнее*, которые различаются оттенками в значениях. Так, компаратив *предпочтительнее* обладает меньшей категоричностью при выражении предпочтения, как бы допускает вероятность выбора и противоположной миру категории, если бы обстоятельства были иными: «*Революционная демократия – писал Миллюков – за один месяц не успела почувствовать почву под ногами, и худой мир для нее был предпочтительнее доброй ссоры*»... (С. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года (1940–1954)) [2]. При употреблении компаратива *выгоднее* на передний план выносятся не безотносительное ценностное отношение к миру, а субъективное представление о выигрышности мира именно в данный момент: *Стрелец. Не стоит затевать ссоры и устраивать сцены, даже если ваши личные интересы затронуты: нынче мир даже на самых унижительных условиях будет гораздо выгоднее, чем ссора. На словах соглашайтесь со всеми претензиями и требованиями, а сами поступайте так, как вам удобно: вы еще свое возьмете!* (Астролог Лина Саванская. Календарь любви и личных отношений // Комсомольская правда, 2005) [2].

Прием сокращения компонентного состава паремии представлен двумя типами:

а) сокращение постпозитивной части паремии, при котором может измениться порядок следования компонентов паремии (1); б) сокращение компенсирующего признака ключевого слова *ссора* (2): (1) *Лучше уж худой мир* (Б. Майоров. Победим Канаду и в Ванкувере! Эксперт «Советского спорта» считает, что на Олимпиаде-2010 золотые медали вновь разыграют россияне и кленовые листья // Советский спорт, 2009); (2) – *Уже седьмой день между Израилем и Палестиной идет настоящая война, наглядно доказывающая, что худой мир в этом регионе куда лучше ссоры* (Израиль задается целью «добить» ХАМАС любой ценой // Новый регион 2, 2008)[2].

В 5 контекстах основного подкорпуса НКРЯ и 3 контекстах газетного словарный вариант пословицы меняется на окказиональный, выражающий идею предпочтительности ссоры, а не худого мира. Инверсия может сопровождаться преобразованиями синтаксической структуры и компонентного состава паремии: *Муки душевного одиночества толкали людей, оторвавшихся от непосредственности, к искусственному и непрочному «примирению» с действительностью, о котором можно сказать, вопреки поговорке, что такой плохой мир – гораздо хуже хорошей ссоры* (Д. Овсяннико-Куликовский. Из «Истории русской интеллигенции» (1911)) [2]. Как правило, в состав таких инвертированных выражений (в 6 из 8) включаются конкретизирующие компоненты, которые в какой-то мере раскрывают причины изменившегося вектора предпочтения, например, *в ближайшее время, иной раз, добрая евразийская ссора – худой европейский мир, фальшивый мир, этот / такой худой мир* и др. Своеобразными конкретизаторами могут стать также глаголы, которые в совокупности с другими лексическими средствами передают уникальность случая: *Не пытайтесь сгладить острую ситуацию, иной раз добрая ссора бывает лучше фальшивого мира* (Астролог Лина Саванская. Календарь любви и личных отношений // Комсомольская правда, 2006) [2]. Чаще всего инвертированная паремия используется при выражении субъективного мнения автора. В художественном тексте она может передавать также субъективное суждение одного из персонажей повествования: *А знаете, друзья, драка на кладбище – хорошая вещь в конце концов! О ней говорит весь город. Твоя булжма по этому поводу – очень хороша и поспела вовремя. Я всегда говорил, хорошая ссора лучше худого мира...* (М. Горький. Мать (1906)) [2].

При окказиональном употреблении пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры*, как уже было отмечено выше, могут производиться преобразования ее синтаксической структуры. Синтаксическая структура канонического варианта может заменяться на синонимичную ей структуру сложноподчиненного предложения с придаточным сравнительным: *Лучше худой мир, чем добрая ссора* (О. Вандышева. Постпред России при НАТО Дмитрий Rogozin: «НАТО – партнер бодливый, но мы тоже не белые и пушистые» // Комсомольская правда, 2009) [2].

Во многих случаях производится полное разрушение синтаксической структуры канонического варианта пословицы. Ключевые компоненты паремии употребляются обособленно друг от друга. При этом общая идея пословицы сохраняется. Окказиональный вариант отличается от исходного не только структурно, но и своим лексическим составом. Особенности такого типа преобразований пословицы являются выделение ключевого компонента *мир* и превращение его в своеобразный смысловой центр высказывания. Это достигается посредством дистанцирования данного компонента от остальной части паремии. К способам дистанцирования относятся расположение атрибутивного признака ключевого компонента *мир* в постпозиции от определяемого слова (1), установление определительных (2) или противительных отношений со второй частью пословицы (3): (1) **Мир**, возможно, не самый почетный и даже в чем-то **худой**, но все же лучше доброй ссоры, ... (М. Соколов. Далеко шагает, пора унять молодца // Известия, 2006); (2) *Шеварднадзе сейчас является, пожалуй, единственной фигурой, способной сохранить тот «худой мир», который лучше «доброй ссоры»* (У ШЕВАРДНАДЗЕ ЕСТЬ ШАНС // Труд-7, 2003); (3) *Не мир*, конечно, но все же **лучше доброй ссоры** (Е. Завершнева. Бабушка // «Знамя», 2010) [2].

Привлечение внимания читателя к отдельным компонентам паремии может достигаться за счет «порционной» подачи содержания паремии не только в разных частях сложного предложения, но и в двух разных предложениях, а также путем включения в высказывания вводных слов, сочетаний, предложений: *Что в остатке после матча со зрителями? Худой мир, пожалуй, так. Это, как в народе говорится, лучше крепкой ссоры* (А. Фомин. Худой мир на восточной. Болельщики «Торпедо» ослабили давление на руководство клуба – не оставили кричалки, но убрали пиротехнику // Советский спорт, 2013) [2]. Примечательным является случай дистанцирования атрибутивного признака от ключевого слова при употреблении ключевого сочетания паремии в качестве интертекстемы в названии одной из газетных статей: ХОТЬ ПЛОХОЙ, НО МИР (В. Воробьев. ХОТЬ ПЛОХОЙ, НО МИР // Труд-7, 2000) [2].

В некоторых свободных предложениях, содержащих ключевые компоненты пословицы, вместо компаратива общей оценки употребляются формы глагола *предпочитать* для субъективизации предпочтения. Именно поэтому в таких предложениях всегда указываются субъекты, осуществляющие выбор между миром и ссорой: *О том, как поладили Путин и Эрдоган, предпочтя худой мир доброй войне, – в материале «Лента.ру»* (Т. Меликян. В комнате стало душно // lenta.ru, 2017); *В этом плане Ульянов всегда предпочитал худой мир откровенной вражде* (Л. Лебедина. БАТЯНЯ // Труд-7, 2007) [2].

В других контекстах при использовании только ключевых компонентов паремии предпочтительность даже худого мира ссоре выражается еще более имплицитно. При этом идея ценностного отношения к миру передается, как правило, с задействованием большего текстового пространства: *Возможно, Масхадов пойдет на уступки... Или русские удовлетворятся новыми границами, новыми условиями союзного договора. Пусть это будет плохой мир. Война тоже не обещала стать чем-то хорошим, ни для одной, ни для другой стороны* (Г. Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010) [13].

Ключевые сочетания *худой мир* и *добрая ссора* широко используется в текстах НКРЯ для окказиональной номинации определенной ситуации или сложившихся взаимоотношений, что позволяет автору образно и вместе с тем лаконично выразить свое или характерное для некоторой группы людей восприятие этой ситуации или этих взаимоотношений и дать им таким образом оценку: *Знакомство Гордеева с Дорманом было многолетним, отношения – сложными, больше напоминающими добрую ссору, нежели худой мир* (А. Маринина. Стечение обстоятельств (1992)) [2].

Завершая описание функционирования пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в художественных и публицистических текстах НКРЯ, отметим, что большинство контекстов, в которых употребляется данная пословица либо в каноническом виде, либо в преобразованном или используются ее ключевые компоненты в роли интертекстем, относятся к периоду с 2000 по 2018 гг. и составляют почти 2/3 объема нашей выборки. Около 40 % преобразований представляют собой контаминации двух и более приемов трансформации паремиологической единицы. Как показывает анализ исследуемого нами материала, расширение компо-

нентного состава является самым частотным способом структурно-семантической трансформации данной поговорки. Достаточно часто авторы обращаются к ключевым компонентам паремии и задействуют их в роли интертекста. Идея предпочтительности даже ненадежного мира ссоры в большинстве контекстов сохраняется. При этом под «ссорой» понимается любой конфликт, который может иметь разную степень выраженности противостояния и возникнуть в любой сфере общественной жизни.

Литература

1. Сидоркова, Г. Д. Прагматика паремий : пословицы и поговорки как речевые действия [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.19 / Г. Д. Сидоркова ; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-pareonii-poslovitsy-i-pogovorki-kak-rechevye-deistviya>. – Дата доступа : 10.01.2022.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 18.10.2021.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Язык русской культуры», 1999. – 896 с.
4. Селиверстова, Е. И. Пространство русской поговорки: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – СПб. : МИРС, 2009. – 270 с.
5. Наймушина, Т. А. Пословицы и поговорки в художественном тексте [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Наймушина ; Ленинг. орд. Лен. и орд. Красн. Знам. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1984. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/poslovitsy-i-pogovorki-v-khudozhestvennom-tekste>. – Дата доступа : 21.10.2020.
6. Мелерович, А. М. Введение / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеологизмы в русской речи : словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – С. 3–44.
7. Мелерович, А. М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц [Электронный ресурс] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Вестник ЮУрГТТУ. – 2014. – № 8. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-preobrazovaniya-frazeologicheskikh-edinit>. – Дата доступа : 21.11.2021.
8. Третьякова, И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.01 / И. Ю. Третьякова ; КГУ им. Н.А. Некрасова. – Ярославль, 2011. – 50 с.
9. Добрава, М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект / М. Добрава. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. – 282 с.
10. Ничипорчик, Е. В. Воспроизводимое и вариативное в текстовых реализациях паремий / Е. В. Ничипорчик // *Frazeologia a Reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej. Problemy – Metody – Opis*. – Białystok : University of Białystok publishing house, 2020. – Volume six. – С. 65–87.
11. Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 [Elektronische ressource]. – Zugriffsmodus : <https://www.woerterbuchnetz.de/Wander>. – Datum des zugriffs : 18.12.2021.
12. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/11617>. – Дата доступа : 18.12.2021.
13. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова ; под ред. П. А. Дмитриева. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 356 с.
14. Refranero multilingüe, 1997–2014. Madrid : Instituto Cervantes [Recurso electrónico]. – Modo de acceso : <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Busqueda.aspx>. – Fecha de acceso : 04.01.2022.
15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
16. Гомонова, И. Г. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий / И. Г. Гомонова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2018. – № 1 (106). – С. 54–58.